

Б. М. Фролов

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

КРУГ ОБЩЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ИОАННА ЦЕЦА

В статье реконструируется круг общения Иоанна Цеца, известного византийского писателя XII в. С опорой на данные просопографической базы «Prosopography of the Byzantine World» проанализированы главные адресаты интеллектуала: его ученики, родственники и друзья. Установлено, что в переписке с людьми этого круга Иоанн Цец позволял себе нарушать строгие каноны византийской эпистографии, оставляя место язвительности и иронии, что является знаком высокого доверия между адресатами. Рассмотренные письма содержат многочисленные свидетельства «ученой дружбы», характерной для интеллектуальной среды эпохи Комнинов и, позднее, эпохи Палеологов. Среди друзей и учеников Иоанна Цеца встречаются представители семей Трифилисов, Гавриилакитов, Василяки, Харсианитов, Махитариев и других фамилий, не принадлежавших к правящему клану Комнинов. Автор статьи делает вывод о том, что в окружение Иоанна Цеца входили церковные иерархи, провинциальные чиновники и представители в прошлом знатных семей, потерявших свое положение в правление Комнинов. Состав круга общения демонстрирует, что Цец, оставаясь учителем и грамматиком, не имел прочных связей среди придворных чиновников и представителей военной аристократии, но в то же время не оставлял попыток обзавестись подобными контактами и найти влиятельных покровителей.

Ключевые слова: византийская интеллектуальная жизнь; Иоанн Цец; Комниновское Возрождение; византийская эпистография; круг общения

Цитирование: *Фролов Б. М.* Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца // Античная древность и средние века. 2024. Т. 52. С. 275–290. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.016>

Поступила в редакцию: 07.05.2024

Принята к печати: 12.10.2024

Б. М. Фролов

Boris M. Frolov

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

SOCIAL NETWORK OF THE BYZANTINE INTELLECTUAL JOHN TZETZES

This article provides a reconstruction of a social network of John Tzetzes, famous Byzantine writer from the twelfth century. The epistolary legacy of John Tzetzes was analyzed using the database “Prosopography of the Byzantine World”. The author demonstrates that in correspondence with persons of this circle John Tzetzes allowed himself to violate the strict canons of Byzantine epistolography, leaving room for sarcasm and irony, which is a sign of high trust between the addressees. The reviewed letters contain numerous examples of the “scholarly friendship” characteristic of the Byzantine intellectual environment during the Komnenian and Palaiologan Periods. It has been shown that among the friends and disciples of John Tzetzes there were the representatives of the families of Triphyles, Gabrielakites, Basilakes, Charsianites, Machetarios and others who did not belong to the ruling Komnenan clan. The author concludes that the entourage of John Tzetzes included church hierarchs, provincial officials and representatives of formerly noble families who lost their position during the reign of the Komnenoi. The composition of the circle of communication demonstrates that Tzetzes, while remaining a teacher and a grammarian, did not have strong connections among court officials and representatives of the military aristocracy, but at the same time did not abandon his attempts to acquire such contacts and find influential patrons.

Keywords: Byzantine intellectual life; John Tzetzes; Komnenian Renaissance; Byzantine epistolography; social network

For citation: Frolov, B. M. (2024). Krug obshcheniia vizantiiskogo intellektuala Ioanna Tssetsa [Social Network of the Byzantine Intellectual John Tzetzes]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 275–290. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.016>

Submitted: 07.05.2024

Accepted: 12.10.2024

Иоанн Цец – один из самых известных византийских авторов эпохи Комнинов¹. Он был весьма плодовитым автором и оставил после себя большое количество произведений, составленных

¹ The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 3. P. 2136; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 2. S. 61.

в различных жанрах. В последнее время исследователи проявляют повышенный интерес к его литературному наследию и, прежде всего, к дидактической поэзии², однако по-прежнему малоизученными остаются вопросы, связанные с биографией этого византийского интеллектуала. Более детальное изучение личности Иоанна Цеца, его дружеских связей и знакомств помогло бы углубить наше понимание особенностей интеллектуальной жизни Византии периода Комниновской династии. Этому же будет способствовать и реконструкция круга общения Иоанна Цеца, которой и посвящена данная статья.

Проведение подобных исследований возможно благодаря прежде всего электронной базе данных по византийской просопографии «The Prosopography of the Byzantine World» (PBW), созданной в 2006 г.³ Новейшее издание базы PBW (2016)⁴, выполненное под руководством М. Джеффриса, содержит существенно больше данных о периоде 1025–1180 гг. и особенно много дополнений было сделано по интересующему нас XII веку. В качестве одного из источников пополнения PBW было использовано собрание писем Иоанна Цеца, состоящее из 107 посланий⁵. Эпистолярное наследие действительно является наиболее информативным источником для реконструкции круга общения Цеца. Работа с базой данных и эпистолярным корпусом Цеца позволила очертить круг адресатов ученого и проанализировать его социальные связи. В итоге проведенного анализа был выявлен круг

² *Berg van Den B.* John Tzetzes as Didactic Poet and Learned Grammarian // DOP. 2020. Vol. 74. P. 285–302; *Cullhed E.* Diving for Pearls and Tzetzes' Death // BZ. 2015. Vol. 108. Hf. 1. P. 53–62; *Cardin M.* Teaching Homer through (Annotated) Poetry: John Tzetzes' Carmina Italica // Brill's Companion to Sequels, Prequels and Retellings of Classical Epic / ed. R. Simms. Leiden, 2018. P. 90–114; *Pizzone A.* The Historiai of John Tzetzes: a Byzantine "Book of Memory"? // BMGS. 2017. Vol. 41. Iss. 2. P. 182–207.

³ *Козлов А. С.* Методики современной просопографии позднеантичной и византийской цивилизаций // Документ. Архив. История. Современность : материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г.) / под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2010. С. 182.

⁴ Prosopography of the Byzantine World, 2016 (King's College London, 2017) / ed. M. Jeffreys et al. URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/> (date of access: 11.02.2024). Далее в тексте даются ссылки на это издание (PBW) с указанием номера просопографической статьи.

⁵ Ioannis Tzetzae epistulae / ed. P. L. M. Leone. Leipzig, 1972.

общения Цеца, в который вошли 49 человек, с которыми он вел переписку и поддерживал деловые и дружеские контакты. Его адресатов можно разделить на две группы: в первую входят ученики, родственники и друзья, вторую группу образуют меценаты и покровители из знатных фамилий, находившиеся в родстве с правящим кланом Комнинов. В данной статье мы рассмотрим наиболее значимых лиц из первой группы – именно они составляли ближний круг интеллектуала и с ними писателя связывали родственные и дружеские отношения.

В ближайшее окружение Иоанна Цеца входил его брат Исаак (PBW Isaakios 106). О нем мы знаем не так много. В 1138 г. Исаак, который, вероятно, находился на военной службе, принимал участие в кампании императора Иоанна II Комнина (1118–1143) в район Алеппо. Однако на обратном пути Исаак умер на о. Родос. К сожалению, письма Цеца к брату до нас не дошли. В нашем распоряжении есть только заголовок несохранившегося письма Цеца, представляющий собой стихотворную эпитафию, посвященную преждевременной кончине брата. В одном из писем Иоанн Цец сообщает о том, что он лично уничтожил само послание – пребывая в глубокой печали, он вырвал его из своего эпистолярного сборника и растоптал (Ер. 19.5–7). Это замечание Цеца свидетельствует о том, что он собирал свои письма в особый сборник⁶ – практика, широко распространенная среди византийских интеллектуалов⁷. Сохранившаяся же эпитафия показывает, как тяжело Цец переживал смерть брата и хотел сохранить память о нем.

Стремясь, вероятно, подчеркнуть, что его брат не был чужд интеллектуальных занятий, Цец впоследствии назвал его автором комментариев к Ликофрону, что вызвало недоумение митрополита Василия Охридского, одного из крупных церковных писателей XII в. и корреспондента Иоанна Цеца (PBW Basileios 238). Сам же Цец объяснил свой поступок братской любовью – он, подобно Фидию, приписал одну из своих работ менее известному автору (Ер. 38.14–24).

В круг адресатов и друзей Иоанна Цеца входил его племянник Иоанн Василаки (PBW Ioannes 510), «незначительный

⁶ Pizzone A. The Historiai of John Tzetzes... P. 189.

⁷ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur... S. 212.

Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца чиновник в провинции»⁸. В одном из писем Цец благодарит родственника за присланные в качестве подарка кинжалы – нетипичный по меркам византийского этикета дар⁹. Цец, комментируя подарок, отмечал, что получателю они не понадобятся по прямому назначению, но один из кинжалов он может использовать для заточки перьев, остальные же кинжалы он рекомендовал отправить севасту Каматиру, которому они могут пригодиться (Ер. 98.8–23). Речь в письме, вероятно, идет об Андронике Дуке Каматире (PBW Andronikos 112), высокопоставленном покровителе Иоанна Цеца. Отметим, что Цец обращается к племяннику как к младшему по возрасту, но одновременно превосходящему его по социальному положению. Напомним, что Цец пытался сделать карьеру чиновника, однако из-за интриг супруги его начальника, севаста Исаака, епарха Верины, вынужден был оставить службу и больше никаких официальных должностей не занимал¹⁰.

В круг друзей Цеца входил патрикий Лев Харсианит, ставший впоследствии митрополитом Доростола (PBW Leon 207). Их переписка довольно подробно рассмотрена Д. А. Черноглазовым¹¹. Лев Харсианит являлся одним из ближайших друзей Цеца, а их отношения были проникнуты духом «ученой дружбы»¹². В переписке они часто отступали от строгих канонов византийской эпистолографии – друзья сообщают друг другу о повседневных заботах и делятся личными переживаниями. «Смело признаюсь в этом тебе, знающему меня» – доверительно замечает Цец, описывая свой вспыльчивый нрав¹³. В общении со Львом Иоанн Цец позволяет себе и дружескую иронию. В частности, он в шуточном тоне характеризует подарки своего друга, делая вид, будто бы был ими недоволен: «Теперь же,

⁸ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 145.

⁹ Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolography XIII–XV Centuries // BZ. 1995. Bd. 88. Hf. 1. P. 84.

¹⁰ Cardin M. Teaching Homer through (Annotated) Poetry... P. 93.

¹¹ Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 153–158.

¹² Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. 2-е изд., доп. СПб., 2012. С. 194.

¹³ Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца... С. 154.

позволь я немного посмеюсь над твоими подарками. Что же ты, владыко, наделал?»¹⁴.

Среди близких друзей Иоанна Цеца также следует упомянуть Мануила Гавриилакита (PBW Manuel 116). О его биографии у нас не так много сведений, однако некоторые ее детали нашли отражение в письмах Цеца. Так, около 1139 г. Мануил предпринял поездку в Фессалию, цели которой нам, к сожалению, неизвестны. Отъезд друга стал поводом для иронии Цеца – он предположил, что Мануил может вернуться из поездки кентавром или лапифом (Ер. 24.10), поскольку в древнегреческой мифологии Фессалия считалась родиной этих существ. Незадолго до написания этого письма погиб Исаак, брат Иоанна Цеца, поэтому интеллектуал извинялся перед Мануилом за стиль своего письма – из-за скорби его красноречие было не так хорошо (Ер. 21.8–24.23). Подобное замечание показывает, как Цец заботился о соблюдении эпистолярного этикета¹⁵. Эмоциональность и дружеская ирония, которыми наполнено письмо, свидетельствуют о близких отношениях между адресатами. В другом письме Цец просил Мануила передать от него привет ученикам, среди которых он называет Василия Махитария и Алексея, племянника неназванного прото-спафария, а также отцу Мануила (Ер. 24.19–21).

Остановимся на фигурах двух упомянутых выше учеников. Первый из них, Алексей (PBW Alexios 107), очевидно, происходил из состоятельной семьи, жившей в Константинополе, но на момент составления письма он находился на юге европейской части империи. Несмотря на расстояние, разделявшее Цеца и Алексея, контакт между учителем и учеником сохранялся – они обменивались не только письмами, но и книгами. Так, Алексей отправил учителю «Этику» Аристотеля, подписанную как сочинение ранневизантийского ритора Хорикия, а в ответ получил от Цеца речи Либания и Лисия, которые, видимо, оказались Алексею не очень нужны. Это стало поводом для написания письма, в котором Цец попросил ученика вернуть книги и объяснить свои литературные запросы (Ер. 42.7–13). В переписке с Алексеем Цец прямо высказывался о своем желании получить ту или

¹⁴ Цит. по: Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца... С. 160.

¹⁵ Куц Т. В. Эпистолярная практика в поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Гуманитарные науки. Вып. 10. С. 6.

иную вещь, что не было характерно для эпистолярного общения до времени Палеологов¹⁶. В частности, он просил прислать ему спокойного мула и благовония (Ер. 44.12–45.12). Щедрые дары являются свидетельством близких отношений между корреспондентами и выражением искренних дружеских чувств¹⁷.

Учитель и ученик обсуждали также разного рода деловые вопросы. Хотя Алексей и не жил в Константинополе, он, принадлежа к влиятельной семье, мог содействовать назначению нужных людей на некоторые посты в провинции (Ер. 46.13–47.18). В письмах Цец, сожалевающий о том, что Алексей находится далеко от столицы, рекомендовал ученику несколько своих протеже (Ер. 58.23–59.16). Таким образом, общение Иоанна Цеца с Алексеем было окрашено «ученой дружбой», которую часто использовали для укрепления социального положения и продвижения по службе.

Другой упомянутый ученик Цеца – Василий Махитарий (PBW Basileios 236) – происходил из семьи, принадлежавшей к гражданской знати¹⁸ предположительно армянского происхождения¹⁹. Как показал А. П. Каждан, титул вестарха, который носили представители этой фамилии, после прихода к власти Алексея I (1081–1118) девальвировался²⁰, поэтому вряд ли Махитарии могли выступать в качестве покровителей Иоанна Цеца. Однако показательно, что Цец был учителем представителя знатного рода, пусть и потерявшего свое прежнее положение. В подобном положении находились также семьи Гавриилакитов и Василяки²¹. О Василии Махитарии мы узнаем из письма, адресованного Мануилу Гавриилакиту, с которым они, вероятно, были дружны. О характере взаимоотношений ученика и учителя сложно судить – Цец лишь передает ему привет (Ер. 23.4–24.3).

К числу адресатов Цеца принадлежит и Иоанн Трифилис (PBW Ioannes 509), бывший прежде его учеником. По окончании

¹⁶ *Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolography...* P. 68.

¹⁷ Куц Т. В. Дары как элемент поздневизантийского эпистолярного этикета // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 287.

¹⁸ Каждан А. П. Социальный состав... С. 137.

¹⁹ Там же. С. 203.

²⁰ Там же. С. 111.

²¹ Там же. С. 119.

обучения в столице он проживал в Фессалонике. Ему адресовано несколько посланий Цеца – наибольшее количество писем среди всех его корреспондентов (Ер. 60, 61, 68, 75, 88, 90). Судя по переписке, Трифилис переехал в Фессалонику в связи с назначением на некую должность, но на новом месте он испытывал трудности из-за незнакомой обстановки и многочисленных обязанностей по службе. В письмах к бывшему ученику Иоанн Цец обильно использует цитаты из Гомера, чьи тексты составляли основу обучения в Византии²². Цец советовал своему ученику и другу не спешить разочаровываться в своей жизни в Фессалонике, поскольку со временем его жизнь на новом месте постепенно наладится. Он вспоминает прошлое, когда Трифилис был его учеником и не бросал учебу, несмотря на трудности: «Как бы сказал божественный Гомер “ветрены мысли людей молодых, изменчиво сердце”, ведь ты знаешь Гомера и хорошо образован, поэтому и не хотел в силу благоразумия прервать [нашу] тесную дружбу» (Ер. 88.25–89.2). Для подтверждения своей мысли Цец приводит прямую цитату из Гомера:

Други! Еще потерпите, останьтесь недолго: узнаем,
Правду когда-то предсказывал Калхас или неправду?
(Hom. Iliad. II. 299–300)

В другом письме Цец благодарит ученика за то, что тот прислал ему из Фессалоники письмо и книгу. Обмен книгами – это одна из традиционных форм интеллектуального общения. Курьером, через которого ученик отправил манускрипты учителю, выступил отец Трифилиса, которого Цец характеризует как приятного в общении человека. Цец просил также передать от его имени приветы Феодору, Евстратию и еще одному не названному по имени ученику, проживавшим в то время в Фессалонике. Цец искренне беспокоился, когда от ученика не было вестей. В одном из писем бывший учитель настойчиво просит написать ему, апеллируя к «священным законам дружбы» (Ер. 93.8). Отношения Иоанна Цеца с Иоанном Трифилисом также представляют собой пример «ученой дружбы», когда

²² *Browning R. Homer in Byzantium // Browning R. Studies on Byzantine History, Literature and Education. London, 1977. Pt. XVII. P. 16.*

Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца учитель оставался другом и наставником для своего подопечного на протяжении всей жизни²³.

В письмах Иоанну Трифилису нашел отражение и портрет самого интеллектуала. В одном из писем ученику Цец, сравнив себя с Платоном, отмечал, что зарабатывает на жизнь исключительно пером и что умрет с голоду, если перестанет писать (Ер. 109.16). В другом послании Цец заявлял, что бедствует, поскольку не склонен льстить тиранам (Ер. 75.6–10)²⁴. Отсылка к Платону и его взаимоотношениям с тиранами Сиракуз является популярным топомосом античной литературы²⁵. Вероятно, интерес к Платону и его биографии у учителя и ученика был общим, поскольку с другими адресатами Цец данную тему не поднимал.

В окружение Цеца входил и диакон Иоанн Лахан (PBW Ioannes 522; Ер. 105), принадлежавший к незнатной семье²⁶. Ему адресованы объемные стихотворные комментарии к сборнику писем Иоанна Цеца, известные как «Хилиады» или «Тысячи»²⁷. Судя по источникам, Иоанн Лахан был весьма образованным человеком, способным понять многочисленные отсылки и аллегории, которыми наполнен этот текст. О высокой образованности Иоанна Лахана говорит и тот факт, что он состоял в переписке с Евстафием Солунским²⁸, еще одним византийским интеллектуалом XII в.

Другим адресатом поэмы «Хилиады» являлся Епифаний (PBW Eriphanios 108), диакон и племянник неназванного митрополита г. Сиде в Памфилии (Ер. 1). По-видимому, его также можно отнести к числу близких друзей Иоанна Цеца, о чем говорит не только посвящение в «Хилиадах», но и тот факт, что именно в переписке с Епифанием Цец обсуждал, не называя имен, своих завистников и недоброжелателей, распространявших о нем слухи.

²³ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 108.

²⁴ Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца... С. 156.

²⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. и прим. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М., 1979. С. 155–157.

²⁶ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса... С. 123.

²⁷ Pizzone A. The Historiai of John Tzetzes... P. 184–185

²⁸ Ibid. P. 200.

В целом, единственное сохранившееся письмо к Епифанию представляет собой набор оскорблений злопыхателей интеллектуала с отсылками к античной литературе и мифологии, которые Цец затем разъяснил в «Хилиадах».

Среди друзей Иоанна Цеца был также грамматик Константин Митзал (PBW Konstantinos 311). Как следует из переписки, Константин как-то пожаловался другу на неблагосклонность императрицы Ирины, первой жены Мануила I Комнина. Поясним контекст ситуации. Немецкая принцесса Берта фон Зульцбах, впоследствии ставшая императрицей ромеев под именем Ирина (PBW Irene 66), в Константинополе попала в совершенно новую для себя среду. Ей требовалась помощь в освоении античного наследия – основы византийской образованности того времени. При этом женщины, принадлежавшие к клану Комнинов, нередко были хорошо образованы и содержали своеобразные «литературные салоны»²⁹. Берта-Ирина также выступала покровителем литераторов и заказчиком некоторых произведений. В частности, Иоанн Цец в период между 1142 и 1146 гг. написал для нее «Аллегии к Илиаде», где объяснял для венценосной читательницы сюжет поэмы Гомера и принципы интерпретации аллегорий эпоса³⁰. Эти обстоятельства объясняют, почему Константин адресовал свои сетования на немилость императрицы именно Цецу. Утешая друга, Цец заметил, что Бог в любой момент может восстановить доброе отношение императрицы к нему и его положение улучшится (Ер. 131.5–12). Это короткое послание иллюстрирует, насколько важно было для ученого обрести щедрого покровителя, а также показывает зависимость литераторов от поддержки и благосклонности влиятельных особ, что было характерной особенностью интеллектуальной жизни комниновского времени³¹.

²⁹ Mullet M. Aristocracy and Patronage in the Literary Circles of Comnenian Constantinople // *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries* / ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 177.

³⁰ Goldwyn A. Theory and Method in John Tzetzes' Allegories of the Iliad and Allegories of the Odyssey // *Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek studies*. 2017. Vol. 3. P. 142.

³¹ Алексидзе А. Д. Литература XI–XII вв. // *Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 185; Mullet M. Aristocracy and Patronage in the Literary Circles... P. 179.*

Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца

Адресатами Цеца были монахи Феостерикс (PBW Theosteriktos 101) и Феофил (PBW Theophilos 107). В письме, адресованном этим двум монахам, Цец, будучи больным, просил прислать слугу, чтобы тот помогал ему и ухаживал во время болезни. Кроме того, в письме Цец нападает на неизвестного великого хартулярия церкви Св. Софии, который упорно отрицал факт владения мальчиком-рабом (Ер. 69.13–70.27). Феофил помог Цецу вывести оппонента на чистую воду (Ер. 69.17–21). М. Джеффрис предполагает, что упоминаемый в этом письме «господин» (Ер. 69.17) – это Иосиф Агиоклирит (PBW Joseph 114), один из покровителей Иоанна Цеца. От имени Иосифа монах Иоанник доставил ему подарок – мула, от которого Цец, впрочем, вежливо отказался (Ер. 70.15–27). Можно предположить, что Феостерикс и Феофил принадлежали к братии монастыря, где когда-то Цецу предоставили на некоторое время келью. Таким образом, он сохранил свои прежние связи и в трудную минуту болезни просил помощи у тех монахов, с которыми у него сложились хорошие отношения.

Корреспондентом Иоанна Цеца был Георгий Кладон (PBW Georgios 276). Неизвестно, принадлежала ли семья Кладонов к знати³², но определенно ее представители были образованными людьми³³. Цец, обыгрывая фамилию своего друга, называет его «побегом Муз и Гермеса» (κλάδε Μουσῶν καὶ Ἑρμοῦ) (Ер. 136.5–8). В одном из писем Георгий сообщал Цецу о своей болезни, но уверял в том, что скоро поправится. Вопросы здоровья и лечения, жалобы на болезненное состояние или желание скорейшего выздоровления – частый мотив, который звучит в корреспонденции интеллектуалов. Георгий, судя по всему, заботился о поддержании дружеских связей, а потому долгое молчание корреспондента вызывало у него беспокойство. Используя традиционный для эпистолярной практики прием³⁴, Григорий выдвигал обвинения Цецу в том, что тот не отвечает на его письма (Ер. 126.1–127.9). Георгий, будучи хорошо образованным человеком и в совершенстве владевший пером, знал правила эпистолярного этикета и законы жанра³⁵. Цец ответил

³² Каждан А. П. Социальный состав... С. 64.

³³ Там же. С. 206.

³⁴ Куц Т. В. Эпистолярная практика... С. 7.

³⁵ Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца... С. 161.

другу весьма эмоциональным письмом, в котором описал свое подавленное душевное состояние, причиной которому стала потеря многих членов семьи и друзей, умерших за последний год (Ер. 136.5–138.5). Доверительность, царившая в их эпистолярном общении, отражает глубокие дружеские чувства, которые они испытывали друг к другу.

В эпистолярном общении с людьми ближнего круга Иоанн Цец позволял себе проявлять большую степень свободы, поэтому даже за традиционными литературными топосами и риторическими приемами проступает личность автора, его повседневные заботы и пристрастия. Так, в письме к Иоанну Радину (PBW Ioannes 521) Цец оправдывался за свой поздний и краткий ответ, сославшись на астму, сопроводив извинения отсылками к лаконичности древних спартанцев (Ер. 128.1–18). Астма, по-видимому, усилилась в зрелые годы жизни Цеца. В одном из писем он просил об услуге грамматика Никифора (PBW Nikephoros 190), которого назвал «питомцем Гермеса и Муз» (τρώφιός Ἑρμοῦ καὶ Μουσῶν) (Ер. 146.6). Суть просьбы заключалась в том, что Цец просил Никифора, отправлявшегося в скором времени в Амастриду, прислать ему оттуда несколько лекарственных растений, помогавших при лечении астмы. В послании приводится подробная информация о растениях и инструкции, как их следует транспортировать (Ер. 146.7–147.7).

Корреспонденты, интересовавшиеся здоровьем Цеца, проявляли заботу о нем не только из учтивости – интеллектuala часто болел. По-видимому, однажды даже стали распространяться слухи о его смерти. Василий Охридский, до которого дошла подобная новость, искренне скорбел о своем друге как об умершем. Узнав об этом от митрополита Льва, Цец поспешил написать Василию письмо, чтобы развеять ложные слухи, но в то же время уточнил, что его здоровье действительно находилось не в лучшем состоянии (Ер. 138.21–140.4).

В круг друзей-адресатов Цеца входили отец и сын Пентавуниты. Никита Пентавунит (PBW Niketas 182) пережил потерю брата, умершего от неизвестной болезни, что и побудило Иоанна Цеца написать другу слова поддержки. Письмо было адресовано также и отцу Никиты, который скорбел о сыне. Из письма мы узнаем, что брат Никиты умер в молодом

Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца

возрасте, отчего его близкие особенно тяжело переживали утрату. Утешая друзей, Цец философски рассуждает о том, что люди обычно связывают смерть с несчастьем, однако сама по себе смерть не может быть несчастьем, поскольку она предопределена, а «управлять судьбой или повернуть ее вспять невозможно» (Ер. 157.3–5). В письме Пентавунитам Цец использует характерный для XII в. прием, когда утешением служит и красноречие автора³⁶.

Таким образом, среди друзей и учеников Иоанна Цеца мы встречаем представителей семей Трифилисов, Гавриилакитов, Василяки, Харсианитов, Махитариев. В середине XII в. эти семьи уже утратили прежнее политическое влияние³⁷. Не имели они и родственных связей с правящей династией Комнинов, что в условиях аристократизации общества определяло социальное положение семьи. Вслед за А. П. Кажданом эти фамилии можно охарактеризовать как «семьи одного полководца»³⁸, т. е. о таких семьях мы знаем только то, что высокое положение имел их единственный представитель, чаще всего занимавший должность военачальника. Хотя Иоанн Цец в определенный период был близок к императору Мануилу I Комнину, тем не менее, круг его общения в основном составляли люди относительно невысокого социального статуса: грамматики, диаконы и провинциальные чиновники. Среди них, правда, были и представители некогда титулованных родов, которые с приходом к власти Комнинов потеряли прежний высокий социальный вес и политическое влияние. Однако в ближайшем круге присутствуют и два митрополита – Лев Харсианит и Василий Охридский.

Цец сохранял связь с бывшими учениками, но эти контакты не всегда были устойчивыми. С кем-то он находился в постоянной переписке, как это было с Иоанном Трифилисом или Алексеем, племянником протовестиария. Некоторым же бывшим ученикам интеллектуал лишь при возможности напоминал о себе, передавая через посредников привет, как в случае

³⁶ *Littlewood A. M. The Byzantine Letter of Consolation in the Macedonian and Comnenian Periods // DOP. 1999. Vol. 53. P. 34.*

³⁷ *Каждан А. П. Социальный состав... С. 116–121.*

³⁸ Там же. С. 151.

с Василием Махитарием. Некоторые ученики оказывали бывшему учителю небольшие услуги. Цец и сам нередко обращался к ним за помощью.

Письма к друзьям и ученикам отражают и личность самого Иоанна Цеца. Он предстает как ритор, блестяще владеющий правилами эпистолярного этикета. Однако в общении с близкими людьми он позволяет себе нарушать строгие каноны византийской эпистографии: обсуждает бытовые вопросы, делится повседневными проблемами, даже допускает язвительность и иронию, что свидетельствует о весьма доверительных отношениях между корреспондентами³⁹.

В отличие от своего современника Евстафия Солунского⁴⁰, Иоанн Цец не был ученым-ритором, пользовавшимся авторитетом при дворе. Он оставался учителем и грамматиком, не имевшим прочных связей среди придворных чиновников и представителей военной аристократии, хотя и не прекращал попыток обзавестись подобными контактами и найти влиятельных покровителей.

REFERENCES

Aleksidze, A. D. (1989). Literatura XI–XII vv. [Eleventh- and Twelfth-century Literature]. In Z. V. Udaltsova, & G. G. Litavrin (Eds.), *Kul'tura Vizantii. Vtoraiia polovina VII–XII vv.* [The Culture of Byzantium. The Second Half of Seventh to Twelfth Century] (Vol. 2, pp. 153–215). Moscow: Nauka.

Berg, van Den B. (2020). John Tzetzes as Didactic Poet and Learned Grammarian. *Dumbarton Oaks Papers*, 74, 285–302.

Browning, R. (1977). Homer in Byzantium. In R. Browning. *Studies on Byzantine History, Literature and Education* (pp. 15–33). London: Variorum Reprints.

Cardin, M. (2018). Teaching Homer through (Annotated) Poetry: John Tzetzes' *Carmina Italica*. In R. Simms (Ed.), *Brill's Companion to Sequels, Prequels and Retellings of Classical Epic* (pp. 90–114). Leiden: Brill.

Chernoglazov, D. A. (2008). Piat' pisem Ioanna Tsetsa: avtoportret vizantiiskogo intellektuala XII v. [Five Letters by John Tzetzes: A Byzantine Intellectual's Self-Portrait]. *Vizantiiskii Vremennik*, 67(92), 152–164.

Cullhed, E. (2015). Diving for Pearls and Tzetzes' Death. *Byzantinische Zeitschrift*, 108, 53–62. <https://doi.org/10.1515/bz-2015-0003>

³⁹ Куц Т. В. Ирония и шутка в византийском эпистолярном письме // МАИЭТ. 2007. Вып. 13. С. 470.

⁴⁰ Reading Eustathios of Thessalonike / ed. F. Pontani, V. Katsaros, V. Sarris. Berlin, 2017. P. 243.

Круг общения византийского интеллектуала Иоанна Цеца

Gasparov, M. L. (Trans.), Losev, A. F. (Ed.). (1979). *Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniiax i izrecheniiax znamenitikh filosofov* [Diogenes Laertius. Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow: Mysl'.

Goldwyn, A. (2017). Theory and Method in John Tzetzes' Allegories of the Iliad and Allegories of the Odyssey. *Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies*, 3, 141–173.

Hunger, H. (1978). *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner* (Vol. 2). München: Beck.

Jeffreys, M. et al. (Eds.). (2017). *Prosopography of the Byzantine World*, 2016. King's College London. Retrieved from <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk>

Karpozilos, A. (1995). Realia in Byzantine Epistolography XIII–XV Centuries. *Byzantinische Zeitschrift*, 88(1), 68–84. <https://doi.org/10.1515/byzs.1995.88.1.68>

Kazhdan, A. P. (1974). Sotsial'nyi sostav gosподstviushchego klassa v Vizantii XI–XII vv. [The Social Composition of the Ruling Class in Byzantium Eleventh and Twelfth Centuries]. Moscow: Nauka.

Kazhdan, A. (Ed.). (1991). *The Oxford Dictionary of Byzantium* (Vols. 1–3). Oxford: Oxford University Press.

Kozlov, A. S. (2010). Metodiki sovremennoi prosopografii pozdneantichnoi i vizantiiskoi tsivilizatsii [Methods of Modern Prosopography of Late Antique and Byzantine Civilizations]. In L. N. Mazur (Ed.), *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost': materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 21–22 oktiabria 2010 g.)* [Document. Archive. History. Modernity. Materials of the Third All-Russia Scholarly and Practical Conference (Ekaterinburg, October 21–22, 2010)] (pp. 182–188). Ekaterinburg: Ural University Press.

Kushch, T. V. (2005). Epistoliarnaia praktika v pozdnei Vizantii [Epistolary Practice in Late Byzantium]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 39(10), 5–15.

Kushch, T. V. (2007). Ironiia i shutka v vizantiiskom epistoliarii [Irony and Joke in the Byzantine Epistolary]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 13, 468–474.

Kushch, T. V. (2011). Dary kak element pozdnevizantiiskogo epistoliarnogo etiketa [Gift-Giving as a Part of Late Byzantine Epistolary Etiquette]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 4(96), 286–293.

Kushch, T. V. (2013). *Na zakate imperii: intellektual'naia sreda pozdnei Vizantii* [At the Sunset of Empire: Intellectual Milieu of the Late Byzantium]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Leone, P. L. M. (Ed.). (1972). *Ioannis Tzetzae epistulae*. Leipzig: Teubner.

Littlewood, A. M. (1999). The Byzantine Letter of Consolation in the Macedonian and Comnenian Periods. *Dumbarton Oaks Papers*, 53, 9–41. <https://doi.org/10.2307/1291792>

Lyubarsky, Ya. N. (2012). *Vizantiiskie istoriki i pisateli* [Byzantine Historians and Writers]. St Petersburg: Aletea.

Mullet, M. (1984). Aristocracy and Patronage in the Literary Circles of Comnenian Constantinople. In M. Angold (Ed.), *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries* (pp. 173–201). Oxford: B.A.R.

Б. М. Фролов

Pizzone, A. (2017). The Historiai of John Tzetzes: a Byzantine “Book of Memory”? *Byzantine and Modern Greek Studies*, 41(2), 182–207. <https://doi.org/10.1017/byz.2017.13>

Pontani, F., Katsaros, V., & Sarris, V. (Eds.). (2017). *Reading Eustathios of Thessalonike*. Berlin: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110524901>

Фролов Борис Михайлович

ассистент кафедры истории Древнего
мира и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: frolov_boris@myrambler.ru

Frolov, Boris Mikhailovich

Assistant

Ancient and Mediaeval History Department
Ural Federal University

51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000 Russia

Email: frolov_boris@myrambler.ru

<https://orcid.org/0009-0009-3432-690X>

WoS ResearcherID: LKL-0077-2024